

БАРТОЛО ГАРИЛЬО ♦

УДК 130.2

Почетный профессор,
Туринский университет, Италия,
bartolo.gariglio@unito.it

АНАСТАСИЯ МУРОМЦЕВА

Студент, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
st087356@student.spbu.ru

ЖАННА НИКОЛАЕВА

Доцент, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
z.nikolaeva@spbu.ru; zh.v.nikolaeva@gmail.com

«ПАРАДОКС РУССКОГО ДУХА» ПЬЕРО ГОБЕТТИ

Аннотация. За свою недолгую жизнь итальянский интеллектуал-антифашист Пьеро Гобетти (1901–1926) смог осуществить невероятное. Он был основателем, редактором и автором трех журналов (*Energie nuove*, осн. 1918; *La rivoluzione liberale*, осн. 1922; *Il Baretti*, осн. 1924); руководил собственным издательским домом (*Piero Gobetti edizioni*), в котором за 4 года были изданы 114 томов; писал книги, статьи, был переводчиком с русского языка. В Италии признают его значение как одного из главных распространителей русской культуры в Турине 1920-х гг. В России почти не знакомы с публикациями Пьеро Гобетти, даже с его неоднократно переизданным произведением под названием «Парадокс русского духа» (1926). В данной статье мы пытаемся рассмотреть общекультурные аспекты и парадоксы времени и места

♦ Бартоло Гарильо — историк, почетный профессор Туринского университета, специалист по политической и католической истории XX века, бывший руководитель «Исследовательского центра Пьеро Гобетти» (г. Турин). К числу его наиболее цитируемых работ относятся: «Проектировать постфашизм. Гобетти и католики (1919–1926)» (2003 г.) и «Католики от Рисорджименто до Бенедикта XVI» (2008).

появления этого исследования в контексте смены эпох, интеллектуальных движений тех лет и в итальянском национальном контексте. Забегая вперед, мы можем сказать, что книга, задуманная как анализ движения революционной идеологии в России, по крайней мере ее законченные главы, оказалась в результате текстом о русской культуре или даже, по мнению Витторио Страда, о специфической роли русской интеллигенции. Для лучшего понимания взглядов П. Гобетти в настоящем выпуске дается также перевод его эссе «Достоевский как классик и мистик русской литературы», опубликованного в 1921 году.

Ключевые слова: Пьеро Гобетти; Парадокс русского духа; Италия; Россия; русская революция; русская литература; Л. Андреев; В. Страда.

Для цитирования: Гарильо Б., Муромцева А., Николаева Ж. «Парадокс русского духа» Пьеро Гобетти // *Studia Culturae*. 2023. Вып. 1 (55): *Italian Studies*. С. 26–41. DOI: 10.31312/2310-1245-2023-55-26-41

BARTOLO GARIGLIO

Emeritus professor,
University of Turin, Italy,
bartolo.gariglio@unito.it

ANASTASIA MUROMTSEVA

Student, Institute of Philosophy,
Saint Petersburg State University,
st087356@student.spbu.ru

ZHANNA NIKOLAEVA

Associate Professor, Institute of Philosophy,
Saint Petersburg State University
z.nikolaeva@spbu.ru; zh.v.nikolaeva@gmail.com

«THE PARADOX OF THE RUSSIAN SPIRIT»

BY PIERO GOBETTI

Abstract: During his short life, the Italian anti-fascist intellectual Piero Gobetti (1901–1926) was able to accomplish the incredible. He was the founder, editor and author of three magazines (*Energie nove*, 1918; *La rivoluzione liberale*, 1922; *Il Baretto*, 1924); he managed his own publishing house (Piero Gobetti edizioni), in which 114 volumes were published in 4 years; wrote books, articles, was a translator from Russian. In Italy, they

recognize his importance as one of the main distributors of Russian culture in Turin in the 1920s. In Russia, they are almost unfamiliar with the publications of P. Gobetti, even with his repeatedly reprinted work entitled «The Paradox of the Russian Spirit» (1926). In this article we try to consider the general cultural aspects and paradoxes of the time and place of this study's appearance in the context of the change of epochs, intellectual movements of those years and in the Italian national context. Looking ahead, we can say that the book, conceived as an analysis of the revolutionary ideology's movement in Russia, or at least it is completed chapters, turned out to be a text about Russian culture, or even, according to Vittorio Strada, about the specific role of the Russian «intelligentsia». For a better understanding of the views of P. Gobetti, this issue also provides a translation of his essay «Dostoevsky as a classic and mystic of Russian literature», published in 1921.

Key words: Piero Gobetti; The paradox of the Russian spirit; Italy; Russia; Russian revolution; Russian literature; L. Andreev; V. Strada.

For citation: Gariglio B., Muromtseva A., Nikolaeva Zh. “‘The Paradox of the Russian Spirit’ by Piero Gobetti”, *Studia Culturae*. 2023. Iss. 1 (55): *Italian Studies*: 26–41, DOI: 10.31312/2310-1245-2023-55-26-41

«Парадокс русского духа» [1] — неоконченная книга Пьеро Гобетти (1901–1926)¹. Частично ее текст был «реконструирован» редактором посмертного издания Сантино Карамелла² в 1926 году по рукописям автора и комментариям Ады Просперо³. Известно, что о книге с таким «громким» и противоречивым названием Гобетти задумался еще в 1918 году после

¹ Пьеро Гобетти (1901–1926) — итальянский публицист, историк, литературный критик и антифашист. Основатель и руководитель журналов «Energie Nove», «La Revolution Liberale» и «Il Baretto», внесших фундаментальный вклад в политическую и культурную жизнь Италии. Умер в изгнании во Франции в возрасте 25 лет.

² Сантино Карамелла — итальянский философ и историк философии. Один из последователей Пьеро Гобетти.

³ Ада Просперо (1902–1968) — журналистка, переводчица, с 1923 года супруга Пьеро Гобетти. После его смерти продолжила начатую им деятельность этического антифашизма.

успеха публикации статьи «L'anima russa e la rivoluzione» («Русская душа и революция») [2. P. 5], заинтересовавшись последствиями событий 1917 года.

Содержание книги носит двойственный характер. С одной стороны, это — исследование «Парадокса русской революции», и в этом контексте оно развивает то направление политической истории, которое Гобетти начал еще в университете, написав несколько монографий и статей о проблемах либеральных движений⁴ и итальянского Рисорджименто. С другой стороны, значительную часть текста занимают мысли о русском мистицизме, национальном характере, Византии в русской душе, психологии «раба и господина», и, особенно, национальной литературе, то есть всем тем деталям, которые, по мнению автора, относятся к «Духу».

В те годы обращение к «духу» как к категории, которая может быть выявлена, не было таким уж редким. Достаточно вспомнить попытку Макса Дворжака представить историю искусства как «Историю духа» [3]. Загадочным духом далеких народов, в том числе и сибирским, увлекался и хорошо знакомый Гобетти его туринский современник и автор приключенческих романов Эмилио Сальгари⁵. В эпоху неогегельянства и крочанства поиски «духа», в том числе и национального, представляли собой попытку систематизировать наличное бытие, укрепить разваливающиеся старые структуры или проложить менее опасный, чем революции и анархизм, путь структурам новым. Несомненно, многие европейские интеллектуалы также находились под впечатлением и влиянием книги Шпенглера [4] с ее не менее эпатажным названием,

⁴ См., например: Gobetti P. *La rivoluzione liberale. Saggio sulla lotta politica in Italia*. Bologna: Cappelli, 1924.

⁵ Эмилио Сальгари (1862–1911) — итальянский писатель, мастер приключенческого жанра. Автор динамичного романа «Ужасы Сибири», написанного в 1900 году. В основе сюжета — путь каторжников по заснеженным сибирским тропам до Алгачинских рудников.

и обратили свой взор в далекое пост-империалистическое или, как сказали бы в наши дни, постколониальное будущее. В данном контексте попытка изучить и представить итальянским читателям «русский дух» приобретает несколько иные формы, связанные в немалой степени с собственной национальной саморефлексией и ощущением «поворота истории».

В итальянской традиции гобеттианских исследований принято считать, что политологическое содержание текста «Парадокса» непосредственно связано с главным произведением Пьеро Гобетти «*La rivoluzione liberale*»⁶ (1924) [5]. Если исходить из такого понимания, то изложенный автором «парадокс»: революционная деятельность Ленина и Троцкого должна была бы рассматриваться чуть ли не как «отрицание социализма» а, точнее, утверждение более сущностного либерализма как двигателя процесса освобождения сознания масс снизу, даже с помощью авторитарных средств. Другими словами, революция окончательно сформировала реальное «политическое сознание», заложила основы государства современного типа и подняла Россию до уровня цивилизаций Запада.

Политическая оценка событий в России и суждения П. Гобетти об идеологических сценариях Ленина и Троцкого всесторонне рассмотрены Е. П. Наумовой в статье «“Опыт России” в оценках итальянского антифашиста Пьеро Гобетти» [6].

⁶ «*La rivoluzione liberale*» была впервые опубликована в 1924 году. Посредством критического анализа политической борьбы в Италии 1920-х годов, улавливая новизну народной силы социалистического и коммунистического движения и исходя из идеи Рисорджименто, Гобетти развивает теорию о формировании «политического класса, который имеет четкое сознание своих исторических традиций и социальных потребностей, возникающих в результате участия в жизни государства». Гобетти убежден, что современное государство должно быть основано на вкладе рабочих и крестьянских масс, поддерживаемых «лучшими силами либерального общества» «просвещенными» предпринимателями и вкладчиками. В этом и заключается по мнению Гобетти смысл «либеральной революции».

Вывод, к которому вполне обоснованно приходит автор после внимательного изучения содержания «Парадокса...» заключается в следующем: «Молодому теоретику либеральной революции не удалось раскрыть «загадочную русскую душу», понять историю России, все многообразие исторических фактов, обусловивших революцию. Вместе с тем неординарность самой личности, оригинальность его взглядов, глубокий интерес к истории и русской культуре придают суждениям Гобетти о революционных событиях в России, современником которых он был, особое значение» [6. С. 256].

Есть и другое, не политологическое прочтение «Парадокса». Исследовательница Элизабет Рэнсом в своей докторской диссертации «Парадокс русского духа: Пьеро Гобетти и гений либеральной революции» [7] сожалеет: «Гобетти, икона итальянского антифашистского сопротивления, питал особый интерес к русской культуре, но подробности его увлечения русским языком, литературой и историей обычно оставались в стороне при обсуждении его достижений или представлялись как реакция на Октябрьскую революцию» [7. Р. 5]. Изучив личную библиотеку Гобетти, его опубликованные работы и переписку, а также личные бумаги и корреспонденцию, оставленную его женой Адой, Э. Рэнсом показывает, что интерес Гобетти к России и русской культуре возник еще до Октябрьской революции и был вызван открытием литературных героев, в которых он мог увидеть в том числе и свое отражение.

Эта линия исследований творчества П. Гобетти настаивает на том, что интерес итальянского мыслителя к русской культуре был вызван вовсе не политическими событиями как таковыми. Юный Гобетти занимался «построением себя как исключительной личности, как гения» [7. Р. 5] и в стремлении укрепить его отдельные черты отыскивал их у крупнейших русских деятелей той поры.

Наиболее близкое (за пределами общегуманитарного знания) знакомство с «русским духом» состоялось в семье Гобетти, когда они вместе с женой Адой Просперо переводили и готовили к публикации рассказы Леонида Андреева (1871–1919) [8]. В этом занятии содержался значительный инновационный момент: понять русскую культуру через язык, но без лингвистических посредников (до этого тексты русских писателей переводились в основном с их французских и немецких изданий). Первый перевод рассказа «Бездна» был даже посвящен переводчику с русского языка Альфредо Полледро⁷ и его жене Рахиль Гутман⁸, которая до этого преподавала русский язык Пьеро и Аде. После смерти Пьеро Гобетти вышли переводы рассказа А. Чехова «Медведь», критический очерк о Гоголе, а также другие статьи и переводы русских авторов. Статья о Гоголе позже была включена в книгу П. Гобетти «Парадокс русского духа».

Витторио Страда⁹ в предисловии к изданию «Парадокса» 1969 года делает важное замечание: в своем аналитическом труде Гобетти отталкивается от русской литературы как от представления о некоей идеологии. Подобный подход предполагает, что «парадокс» и заключается в том, что большевистская революция корнями уходит в проблемы обсуждавшиеся русской интеллигенцией. Основываясь на понимании глубочайшего мыслителя, каким без сомнения является

⁷ Альфредо Полледро (1885–1961) — итальянский переводчик и журналист, в основном занимался переводами русских авторов.

⁸ Рахиль Гутман (1885–1944) — бывшая российская подданная, преподаватель русского языка и переводчик в Турине.

⁹ Витторио Страда (1929–2018) — итальянский литературовед, переводчик-славист, профессор русской словесности в Венецианском университете. Помимо исследований в области русской литературы XIX и XX веков («Гоголь, Горький, Чехов (1973); «ЕвроРоссия. Литература и культура от Петра Великого до революции» (2005)), публиковал очерки о культуре («Русский вопрос. Личность и судьба» (1991)).

Витторио Страда, мы попытались поразмышлять именно над теми фрагментами текста, которые и являются главным опорным материалом для заключений П. Гобетти — главы о русской литературе.

Сама книга, по сохранившемуся первоначальному плану автора¹⁰, как будто бы и не предполагала далеких отступлений литературоведческого и этнопсихологического характера, но оказалась собрана (вероятно, по указаниям Ады Просперо) издателем Карамелла в следующем трехчастном порядке: 1. Борьба идей (Татарская Византия — Теократия — Интеллигенция — Славянофилы и западники — Мистицизм и марксизм). 2. Литература (многозначность Пушкина — Лермонтов-романтик — Гоголь — Островский (царство теней) — Достоевский (классик, мистик и художник) — Сологуб (песнь Передонова¹¹) — Андреев — Куприн (цивилизованный татарин) — Проблемы русской литературы и способы интерпретации (Достоевский, Чехов, Куприн, дореволюционные декаденты, «большевистские стихи» А. Блока)). 3. Революция (Проблема русской цивилизации — русский популизм — судный день — Троцкий — руководящий класс — критерии метода исторификации русской революции — школьная реформа).

Как видно из содержания, анализ литературных текстов занимает П. Гобетти значительно больше, чем всевозможные критерии и методы подготовки, равно как и последствия русской революции. Попытаемся понять какую задачу все-таки ставил перед собой автор «Парадокса» и какие главные выводы

¹⁰ Политическая подготовка (закат идеалов в годы правления Николая II, ситуация после 1905 года, партии, деятели в изгнании). Приход революции (Троцкий и Ленин, неспособность Керенского, переворот). «Столкновение» (война, армия, Советы, экономическая политика; проблемы законодательства, образования, церкви).

¹¹ В данном случае, вероятно, П. Гобетти интересовало подчеркнуть, что в общем контексте русской литературы постоянно повторяется мотив обиды чрезмерно щепетильного человека.

можно угадать вчитываясь в те фрагменты текста, которые оказались нам доступны. Прежде всего, бросается в глаза тот факт, что задумав книгу о социальных потрясениях в России, Гобетти не избежал соблазна использовать готовые клише об «отсталой татарской» по своему духу культуре, которая необъяснимым образом породила великую литературу, создав, таким образом еще один парадокс в «Парадоксе».

Возможно, на развитие идей Гобетти большое влияние оказал философ Бенедетто Кроче, известный создатель паттернов восприятия России и ее места в европейской культуре, в частности таких, в которых утверждается, что в XIX веке ускоренное соприкосновение отсталой национальной культуры России с передовыми источниками западной мысли вызвало волнение, безнадежно подорвавшее способность всей культуры рассуждать: для обозначения такого вырождения Кроче предлагает специальное выражение «думать по-русски» [9. P. 276–283]. В конце концов Кроче утверждает, что там, где у других народов есть наука и культура, Россия имеет «*intellettualità*», нечто, не являющееся ни наукой, ни культурой, но горячо оспаривающее все и извергающее парадоксы.

Размышляя об интеллектуальной позиции П. Гобетти, Витторио Страда проводит параллель еще и с публикациями того же времени в журнале «Смена веков»¹². Эти публицистические сборники, по мнению В. Страда, положили начало течению, эфемерному, но симптоматическому, которое распространилось из кругов русской эмиграции. Представители течений эмигрантской мысли также пытались переосмыслить опыт русской революции. «Сменовеховцы» заявляли о национальном характере русской революции, подчеркивая, что ею утверждалось не только национальное и государственное начало,

¹² Сборник статей философско-политической направленности, издаваемый русской эмигрантской интеллигенцией в Праге и Париже в 1921–1922 годах.

но и невиданный в русской истории либерализм: «...переделывая все, великая русская революция впервые показала способность открыть пути к ясному и могучему русскому либерализму, и впервые сделала возможным прогрессивный и прочный русский консерватизм» [10. С. 19–20]. Гобетти придерживался именно этой позиции: подлинность исторической плодотворности самой революции как национального явления, оказывается в том, что с переходом от «анархизма» к «государственности» Россия находит возможность ликвидировать такие элементы, как царизм и утопия абстрактных мыслителей, то есть интеллигенции.

В том, что касается чрезмерно абстрактных идей русских мыслителей, то их П. Гобетти осмыслял не только в «Парадоксе», но и в многочисленных статьях о русской литературе, разбросанных по разным изданиям, в том числе и иногда дополнительно и произвольно включенных составителями в различные опыты реконструкции замысла текста «Парадокса русского духа», что невероятно запутало картину понимания того, о чем собственно готовился написать в своей книге автор. В издании 1969 года, по мнению В. Страда максимально приближенном к первоначальному замыслу, мы не находим (во второй части, посвященной исключительно литературе и превосходящей в несколько раз размышления о революции) никакой четкой, логически обоснованной линии выявления «русского духа», а лишь краткий экскурс в произведения выбранных им авторов, до того момента как на страницах не появляется многостраничный анализ идей хорошо знакомого П. Гобетти Леонида Андреева. «Андреев, — пишет П. Гобетти, — намного более близок нам, на Западе, чем другие русские. Мы понимаем и проживаем его «Жизнь человека», в то время как от нас ускользает прямая и страшная линия трагедии “Чайки” и “Трех сестер” <...> Речь идет именно о культурных различиях. В культуре Андреева наши идеи и наши привычки имеют свое место. Его постановка

интеллектуальных проблем отражает влияние нашей цивилизации, даже когда речь идет о позиции прямо ей противопоставленной» [11. Р. 354]. Кое-что начинает проясняться в идеях П. Гобетти: кажущаяся непереводаемость языка русской культуры на языки западных культур (по нашему мнению, все-таки отчасти преодоленная в XX веке) составляет главную проблему для туринского молодого мыслителя и главный парадокс.

Чем ближе набор символов и метафор к европейскому «сознанию» (пусть даже само их содержание носит противоположный европейскому взгляд на вещи), тем он понятнее. При этом как славянофилы (идушие за Достоевским), так и западники (линия Тургенева) одинаково далеки от европейского восприятия. И именно Л. Андреев прекрасен тем, что наследуя обоим направлениям, не демонстрирует ярко выраженную приверженность тому или иному типу традиции. Это интересно для Гобетти, потому что оба типа, как он пишет в том же параграфе, «надуманны». Для этого он использует слово *irreali*, то есть несуществующие. Тем не менее Л. Андреев не западный человек, а самый что ни на есть русский, он «демократ, потому что анархист, в своем стремлении ко вселенской любви не принимает общества, хочет другой революции, ненавидит социализм и максимализм и воспекает эстетический нигилизм в «Савве», «К звездам», «Дне гнева» и др.» [11. Р. 354]. И при этом «он болен абстрактностью также как Достоевский и Тургенев» [11. Р. 359].

Любопытно также и другое суждение: «Нет никакой философии у Достоевского: он не способен к объективному следованию теории, не способен использовать диалектический дух для определения границ проблемы. Его герои никогда даже не пытаются приблизиться к истине, а вместо этого заняты попытками понять себя и прояснить что-то в себе» [11. Р. 385]. Критика интеллектуальной абстрактности русской мысли проходит через весь «Парадокс» и очень часто

принимает форму укоризны: русская интеллигенция — класс, питаемый мистическими ценностями, мечтающий о мифе чистой рациональности, и поэтому лишенный всякой способности к действию.

Вся русская история в «Парадоксе» превращается в непродуктивную борьбу между двумя противниками одного масштаба: царизмом и интеллигенцией; борьбу, которая, наконец, заканчивается, когда необъяснимым образом появляются большевики, одновременно парадоксально противоречивые отрицатели и создатели современного российского либерального государства.

Э. Рэнсом делает важное дополнение, напоминая нам о том, что самопостроение Гобетти основывалось в некоторой степени в связи с актуальными вызовами действительности, с попыткой осмыслить в том числе и проблему личной свободы и авторитета в элитарном обществе. В конце своей недолгой жизни П. Гобетти воочию наблюдал как прерываются демократические процессы в Италии, как последовательно угнетаются фундаментальные права, дарованные Альбертинским статутом¹³. Личная борьба Гобетти совпала с борьбой всей нации за обретение целостной идентичности. Именно эти противоречия — частных и коллективных интересов —

¹³ Статут Королевства или основная Конституция савойской монархии принятая 4 марта 1848 года Карлом Альбертом. 17 марта 1861 года, с основанием Королевства Италия, он стал основополагающей хартией новой объединенной Италии и формально оставался таковым, несмотря на изменения, до вступления в силу республиканской Конституции 1 января 1948 года. В Преамбуле заявлялось, что — это «вечный и бесповоротный основной закон савойской монархии», однако во времена фашистского режима Статут был существенно изменен, чтобы поставить правительство под контроль фашистской партии.

сделали образ молодого мыслителя воплощением итальянской национальной надежды и гордости, культурным символом «нового поколения» или «новой энергии», способной преобразовать итальянскую культуру.

Таким образом, П. Гобетти, обращаясь к русской культуре в поисках решений того, что он считал наиболее насущными проблемами Италии. Действительно, все его знакомство с русской историей и литературой может быть прочитано как рефлексия на темы итальянской современности.

Оригинальность и продуктивность краткого периода публичной интеллектуальной жизни П. Гобетти, по замечанию Э. Рэнсом, «совпадает с периодом наибольшей активности русских формалистов» [7. Р. 128] и приходится на годы, когда Виктор Шкловский ввел свой влиятельный термин «остранение» «как часть более широкого критического подхода, изложенного в монографии «Теория прозы» [12]. По мнению гарвардской исследовательницы туринский мыслитель был блестящим знатоком этой стратегии «превращения знакомого в странное», что идеально соответствовало его темпераменту «иконоборца» и его желанию осуществить культурное обновление, спровоцировав переосмысление общепринятых идей и практик.

В данной оптике оказывается, что и его лозунг «Либеральная революция» был направлен, среди прочего, на дискредитацию существующих политических категорий. И даже его «Рисорджименто без героев»¹⁴ [13] может быть пере-прочитано

¹⁴ В этом сборнике эссе Гобетти дает собственную интерпретацию Рисорджименто. Оно, как утверждает философ, было результатом действий меньшинства, которое в конечном итоге приспособилось к компромиссу со старыми политическими силами и отказалось от глубокой социальной и культурной революции. Из этой «неудавшейся революции» родилось только внешне либеральное государство, неспособное удовлетворить потребности масс в обновлении и преобразовании в современную демократию, так что его выход в фашизм был легко объясним и предсказуем.

через «Парадокс». Идентификация главных действующих лиц ревизионистской истории объединения Италии как «еретиков», показывает еще один вариант использования стратегии «отстранения». Позиция еретика, юродивого или, в более широком смысле, аутсайдера, занимала русских мыслителей поколения Гобетти, поскольку «они тоже пережили разрушение унаследованного ими культурного мира, маргинализацию и преследования со стороны массового движения, стремившегося пересмотреть индивидуальную и национальную идентичность в соответствии с мировоззрением принимающим все более закрытые и жесткие формы» [7. P. 21].

Этот опыт способствовал и острому осознанию важности различий, разделенности и «инаковости» для формирования индивидуальной и коллективной идентичности, и косвенному выражению политического сопротивления посредством культурного анализа, который подчеркивал силу и творческий потенциал разнообразия, динамичного обмена и открытости.

Парадоксальные черты русского духа в их наиболее ярком выражении Гобетти нашел в Гоголе. Для Гобетти Гоголь стал примером жертвенности поэта: он страдал, но его творчество оставалось безмятежным, удаленным от всех волнений политической борьбы. Созвучным для юного итальянского философа оказалось и гоголевское стремление исполнить великое и благородное дело на благо своей страны, на счастье своего народа: он хочет дать прозе евангельскую кульминацию, указать путь спасения. Гоголь пишет из далекой страны, из края очарования¹⁵, но он мечтает о том, чтобы русский дух проявился во всем своем великолепии.

Искренняя вера в скрытые до времени, но великие силы своего народа, гоголевская любовь к родине вдохновляли Гобетти на собственную борьбу.

¹⁵ Из Италии.

Несмотря на короткую жизнь, Пьеро Гобетти оставил глубокий след в развитии национального самосознания итальянцев.

Его идеи не только сохранились до настоящего времени, но и активно распространяются и актуализируются благодаря деятельности Туринского исследовательского центра Пьеро Гобетти [13]. В его архиве хранятся личная библиотека и документы Гобетти, а также его публикации и публикации его жены Ады Просперо Гобетти Маркезини. Этот культурный институт занимается изучением истории и политической мысли двадцатого века, переиздает книги молодого философа, а также авторов, публиковавшихся в его личном издательстве. Основные материалы для написания настоящей статьи были предоставлены исследовательским Центром Пьеро Гобетти.

Для лучшего понимания взглядов П. Гобетти в настоящем выпуске дается также перевод его эссе «Достоевский как классик и мистик русской литературы» [14], опубликованного в 1921 году.

Список литературы | References

1. Gobetti P. *Paradosso dello spirito russo*. Torino: Edizioni del Baretto, 1926. 256 p. (In Ital.)
2. Gobetti P. “L'anima russa e la rivoluzione”, *Energie nove*, 1918, 15 novembre, Serie I, no. 1. (In Ital.)
3. Дворжак М. История искусства как история духа / пер. А. Сидоров, ред. А. Лепорк. СПб.: Академический проект, 2001. 332 с. Dvořák M. *The History of Art as the History of Ideas*. St. Petersburg: Academic project, 2001. 332 p. (In Russ.)
4. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность / пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. Москва: Мысль, 1998. 606 с. Spengler O. *The Decline of the West. Essays on the Morphology of world history. Gestalt and reality*. Moscow: Mysl, 1998. 606 p. (In Russ.)
5. Gobetti P. *La rivoluzione liberale. Saggio sulla lotta politica in Italia*. Bologna: Cappelli, 1924. (In Ital.)

6. Наумова Е.П. «Опыт России» в оценках итальянского антифашиста Пьеро Гобетти // Государственное управление: современные вызовы. Материалы XVIII Международной конференции (7 декабря — 10 декабря 2021 г.). М.: Издательский дом МГУ, 2021. С. 251–258.
Naumova E.P. “‘Experience of Russia’ in the Assessments of the Italian Anti-fascist Piero Gobetti”, *Public Administration: Contemporary Challenges. Proceedings of the XVIII International Conference* (December 7 — December 10, 2021). Moscow: MSU Publ., 2021: 251–258. (In Russ.)
7. Ransome E. “Il Paradosso Dello Spirito Russo: Piero Gobetti and the Genius of Liberal Revolution”, *Doctoral dissertation, Harvard University, Graduate School of Arts & Sciences*, 2016. 178 p. (In Ital.)
8. Andreev L. Savva, ed. *Piero Gobetti, tr. Ada Prospero*. Venezia: La nuova Italia, 1921. 241 p. (In Ital.)
9. Croce B. “Il pensiero russo secondo due libri recensiti”, *L’Italia dal 1914 al 1918: pagine sulla guerra*. Bari: Laterza: 276–283. (In Ital.)
10. Львов В.Н. Советская власть в борьбе за русскую государственность // Смена вех. Прага, 1921. С. 19–20.
Lvov V. “Soviet Power in the Struggle for Russian Statehood”, *Smena vekh*, Prague, 1921: 19–20. (In Russ.)
11. Gobetti P. *Opere complete: Scritti storici, letterari e filosofici, a cura di Spriano P. Con due note di Venturi F. e Strada V.* Torino: G. Einaudi, 1969. 777 p. (In Ital.)
12. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Сов. писатель, 1983. 384 с.
Shklovsky V. *Theory of Prose*. Moscow: Sovetskiy pisatel’, 1983. 384 с. (In Russ.)
13. Gobetti P. *Risorgimento senza eroi e altri scritti storici con l’introduzione di Franco Venturi*. Torino: G. Einaudi, 1976. 243 p. — URL: <http://www.centrogobetti.it/> (In Ital.)
14. Gobetti P. “Dostoievski”, *Paradosso dello spirito russo*. Torino: Edizioni del Baretto, 1926. 256 p. (In Ital.)